

Но он всегда думал, что Чжу Хаожань говорил об их несоответствии из-за того, что он сам зарится на того, кто выше его по положению. И он никак не ожидал, что в сердце Чжу Хаожаня это Цзян Тин не достоин его. От этого на душе у него вдруг стало тепло.

Он ведь тебя совсем не любит, — продолжал Чжу Хаожань. — Уйти от него — это правильно. Море страданий безбрежно, но оглянись — и вот он берег. Каких только прекрасных цветов нет на белом свете, зачем тебе вешаться на одном кривом дереве? Не грусти, скажи, какой тебе нравится, батя тебе сам найдет!

Пэй Чэньцзин забрал у него из рук стакан, не став спорить из-за того, что тот снова норовит назвать его своим сыночком:

— Ты что, решил фразеологизмами со мной поговорить?

Когда все наелись и напились, люди стали расходиться. Дом Пэй Чэньцзина и дом Чжу Хаожаня находились недалеко друг от друга, поэтому почетная обязанность проводить Чжу Хаожаня домой легла на плечи Пэй Чэньцзина.

Пэй Чэньцзин был еще относительно трезв, только ноги немного ватные. Усадив шатающегося Чжу Хаожаня в такси, он дождался, пока тот не завалился на дверцу машины и не затих, заснув. И только тогда подумал о том, что даже человек, видевший Цзян Тина всего раз, понял: тот его не любит. И лишь он сам обманывал себя целых несколько годов.

Спроси он себя самого: жалеет ли он? Пэй Чэньцзин с горечью обнаружил, что ни капельки не жалеет.

Он не жалел, что так страстно и бурно любил Цзян Тина, он лишь винил себя за то, что слишком сильно увяз в иллюзии взаимного уважения, создавая Цзян Тину лишние хлопоты и исчерпав до дна собственную любовь и гордость.

Когда такси приехало на место, Пэй Чэньцзин полуподдерживая, полуволоча Чжу Хаожаня за собой, нашарил у того в кармане ключи и затащил внутрь. Стоило ему бросить друга на кровать, как внезапно зазвонил телефон. Уставший до одышки, он ответил, даже не глядя на определитель номера:

— Алло? Кто это?

Человек на том конце провода ничего не ответил. Пэй Чэньцзин удивился, взглянул на экран и с удивлением обнаружил, что звонит никто иной, как Цзян Тин.

Однако собеседник по-прежнему молчал. Пэй Чэньцзин не мог понять, чего именно добивается Цзян Тин, решив было, что тот набрал номер случайно, и снова произнес алло. Только после этого Цзян Тин глухим голосом спросил:

— Ты где?

Знакомый голос раздался прямо над ухом, и Пэй Чэньцзин в одно мгновение трезвел больше чем наполовину, а сердце по старой привычке жалобно и беспомощно ёкнуло.

Подобная реакция за годы уже превратилась в условный рефлекс, от которого было трудно избавиться по мановению волшебства. Смирившись со своей участью, Пэй Чэньцзин глубоко вздохнул и ущипнул себя за бедро, надеясь прийти в себя от резкой боли.

— Прости, я забыл сказать тебе, что уже уволился. Думаю, об этом ты и так знаешь. К тому же...

Плавную речь прервало внезапное пьяное бормотание Чжу Хаожаня. Тот все еще цеплялся за одежду Пэй Чэньцзина и вдруг с такой силой дернул ее на себя, что чуть не повалил того на пол.

Спотыкаясь, Пэй Чэньцзин опустился на колени прямо на кровать и одной рукой принялся разжимать чужие пальцы:

— Чжу Хаожань, не тяни меня за одежду, отпусти!

— Что ты делаешь, и кто такой Чжу Хаожань?

Голос Цзян Тина в трубке стал еще ниже и мрачнее. Пэй Чэньцзин с головной болью отбивался от друга:

— Это мой друг детства, ты его видел. Впрочем, верно, с чего бы моим друзьям застревать в твоей памяти.

Цзян Тин пропустил мимо ушей его странный тон и вместо этого спросил:

— Ты что, среди ночи пьешь на улице с какими-то людьми?

Пэй Чэньцзин наконец-то освободил свою одежду из мертвой хватки Чжу Хаожаня и, услышав подобный вопрос от Цзян Тина, окончательно потерял терпение:

— Я еще не договорил. Кроме того, я съехал от тебя, и в будущем мы больше никогда не вернемся к прежнему. Где я нахожусь и с кем пью — это больше не имеет к тебе никакого отношения.

Не дожидаясь ответа, он сбросил вызов. Услышав в трубке короткие гудки, Цзян Тин слегка

опешил. Он уставился на экран, вернувшийся в меню вызовов, но палец, зависший над дисплеем, так и не опустился.

Пэй Чэньцзин в последнее время вел себя все более и более нагло. Он, Цзян Тин, уже снизошел до звонка, сделав шаг к примирению, а этот человек продолжает гнуть свою линию.

Раньше Пэй Чэньцзин никогда не вешал трубку первым. Поначалу именно Цзян Тин требовал, чтобы трубку клал он сам, объясняя это тем, что тот, кому оборвали разговор, всегда чувствует себя немного потерянным. Цзян Тину было все равно, но он просто не хотел тратить силы на споры с Пэй Чэньцзином.

Позже всякий раз случалось так, что Цзян Тину надоедало выслушивать бесконечные разговоры Пэй Чэньцзина, и он бросал трубку, не дожидаясь, пока тот договорит.

Такой Пэй Чэньцзин казался ему чужим и тревожным. В комнате Пэй Чэньцзина он заметил мусор, который тот забыл вынести, и какое-то внутреннее чутье заставило его, человека гордого, брезгливо приподнять за край мешок для мусора и заглянуть внутрь. То, что там лежало, было ему прекрасно знакомо — эти вещи годами окружали их в их общем доме.

Те самые парные вещи, которые Пэй Чэньцзин когда-то лично покупал и которыми дорожил пуще глаза, теперь валялись на дне черного мусорного пакета, безжалостно выброшенные Пэй Чэньцзином.

В конце концов он не выдержал и позвонил Пэй Чэньцзиню, подумав, что на этот раз тот, должно быть, и вправду смертельно обижен, раз решился на столь жестокий поступок. Он был готов сделать первый шаг и немного уступить, чтобы вернуть его.

Цзян Тин прекрасно знал, как сильно Пэй Чэньцзин любит его. Тот всегда дожидался его допоздна на диване, засыпая от усталости, а потом сонно жаловался, что он так поздно вернулся и из-за этого жутко хочется спать.

Но Цзян Тин тогда лишь непонимающе хмурился:

— Я же не просил тебя меня ждать, на что ты мне жалуешься?

Позже Пэй Чэньцзин все так же продолжал ждать его дома, но больше никогда не жаловался.

Именно поэтому он был уверен: стоит ему лишь немного смягчить тон и задобрить Пэй Чэньцзина, как тот сразу вернется. Ведь все, чего он добивался — это его внимания, и Пэй Чэньцзин ни за что так просто не откажется от их отношений.

Но теперь, глядя на заблокированный экран телефона, он испытывал растерянное раздражение. Больше он никогда не станет опускаться до подобного — пусть Пэй Чэньцзин сам

возвращается и умоляет о прощении.

Устроив Чжу Хаожаня, Пэй Чэньцзин в одиночестве отправился домой. Время и вправду было уже позднее — точно так же, как в тот вечер, когда он шел пешком в дом Цзян Тина.

Дом Чжу Хаожаня находился совсем рядом с его собственным, пешком ходу было минут десять. В этот час родители, должно быть, уже спали. Он тихонько отворил дверь и, заметив, что в прихожей горит ночник, а теплый желтоватый свет пробивается сквозь щель двери, едва заметно улыбнулся сквозь сжатые зубы.

Вот это и есть его настоящий дом. Дом, где бы он ни появился и как поздно ни вернулся, кто-то всегда будет о нем тревожиться.

Наскоро приняв душ и выйдя из ванной, он обнаружил, что мама уже поднялась. Заметив его, она легонько поманила его рукой:

— Я приготовила тебе отвар от похмелья, он как раз нужной температуры. Выпей пока горячий, а то завтра голова раскалываться будет.

— Мам, зачем ты встала среди ночи? Иди ложись, я сам посуду помою.

<http://bllate.org/book/26721/3200403>